

Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости»

**Виталий Николаевич
БАРСУКОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: Lastchaos12@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7819-8297; ResearcherID: I-8179-2016

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Аннотация. В XXI веке мировая демографическая система находится в состоянии перехода от стадии реализации демографического дивиденда к старению населения. Глобальный тренд трансформации возрастной структуры выступает новым, по меркам истории, феноменом, причины и механизмы возникновения которого выявлены и эмпирически подтверждены. Однако актуальным остается вопрос относительно последствий старения населения, не имеющих универсальных механизмов формирования и различающихся по территориальному признаку. Причина расхождений заключается не только в социально-экономических параметрах стран, определяющих потенциал преодоления последствий демографического старения, но и в отсутствии единого понимания того, что следует подразумевать под возрастом «старости» и как

Для цитирования: Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2

For citation: Barsukov V.N., Kalachikova O.N. The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of “Old Age”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no.1, pp. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2

демографические основания его конструирования соотносятся с социальным восприятием этой категории. Старение населения и старение общества суть грани трансформации возрастной структуры, имеющие единые причины возникновения, но концептуально различающиеся с позиции подходов к определению возраста «старости». Таким образом, целью данной работы стали выявление и систематизация эволюционных особенностей демографического и социального конструирования возраста «старости». Статья состоит из двух основных частей: анализа существующих подходов к конструированию возраста демографической «старости» населения и обобщения особенностей трансформации общественного восприятия пожилого населения в разные исторические эпохи (социальное конструирование исследуемой категории). Основным выводом проведенного исследования заключается в том, что в условиях глобального, необратимого (при суженном воспроизводстве) старения населения и демографической бета-конвергенции конструирование возраста «старости» постепенно переходит в социальную плоскость. Общества реструктуризируют представление о старости не только через призму роста продолжительности жизни (в том числе здоровой), но и через осознание возрастающей роли старшего поколения в поддержании устойчивых темпов социально-экономического развития. На этом фоне главной задачей «стареющих» государств становится преодоление сохраняющихся (хотя и в менее значимых масштабах) проявлений возрастной дискриминации в отношении пожилых граждан.

Ключевые слова: возраст «старости», старение населения, старшее поколение, социальное конструирование.

Введение

Глобальное старение населения выступает одним из главных демографических трендов современности. Увеличение доли и численности населения старших возрастов оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие «стареющих» государств. Учитывая необратимость демографического старения в условиях суженного воспроизводства населения, необходимо сказать, что одним из главных инструментов преодоления его последствий становится эффективная реализация ресурсного потенциала представителей старшего поколения. Однако проведенное нами ранее исследование распространенности возрастной дискриминации по отношению к пожилым людям (по социологическим данным более чем в 50 странах мира) позволило доказать, что распространенность подобных дискриминационных практик по-прежнему велика в большинстве регионов планеты [1]. Стереотипизация населения старших возрастов, выступающая одним из главных факторов инклюзии этой социально-демографической группы, имеет под собой основание в форме социального конструкта возраста «старости», параметры формирования которого изучались представителями различных научных направлений, но, в силу многогранности объекта исследования, сведения о нем не систематизированы в

едином подходе. В данном случае камнем преткновения становится субъективная составляющая феномена «старости», которая находит свое отражение в трех проекциях: популяционной (совокупность представителей вида *homo sapiens* с сопутствующими демографическими характеристиками), социальной (совокупность представителей социума с характерными для них ценностями и нормами) и индивидуальной (психологическое самовосприятие отдельных индивидов). Таким образом, возраст «старости» определяется как сложный многогранный конструкт, восприятие которого с высокой долей вероятности носит субъективный характер (на уровне отдельных территорий, общностей, индивидов). Несмотря на сложность исследуемого объекта, глобальность демографического старения и его последствий актуализируют проведение исследований, стремящихся к обобщению взаимосвязей между двумя различающимися, но крайне тесно пересекающимися между собой явлениями: старением населения и старением общества. Актуальность исследования также подтверждается необходимостью смены существующей социокультурной парадигмы «старости», вызванной новыми демографическими условиями, в которых роль представителей старших возрастов будет несоизмеримо выше, чем в предыдущие эпохи.

Цель данной работы – выявление и систематизация эволюционных особенностей демографического и социального конструирования возраста «старости». Статья состоит из двух основных частей: критического анализа методологических проблем определения возраста «старости» населения и краткого обобщения трансформации его социального восприятия в контексте демографических изменений. Информационной базой исследования выступили результаты научных исследований в области исторической демографии, антропологии, археологии, этнографии, социологии, социальной геронтологии, физиологии, а также статистические данные о возрастной структуре населения.

Методологические проблемы определения возрастных критериев демографической старости населения

Одним из главных вопросов в изучении проблем, связанных со старением населения, является определение границ возраста «старости». Очевидно, что представление о них может существенным образом различаться в силу его преимущественно условного характера. Наибольшее распространение в научной литературе имеют концепции, выделяющие три типа возраста человека: биологический, социальный и психологический, которые создают единую «триаду» в конструировании периодизации жизни индивида. Однако отметим, что при исследовании эволюции общественного восприятия пожилых людей в условиях старения населения возникает необходимость в использовании еще одной меры «старости» – демографической. В XXI веке процесс демографического старения приобрел глобальный масштаб: во всех регионах мира наблюдается прирост доли и численности населения пожилого возраста. Но, несмотря на наличие единого тренда, мы по-прежнему можем наблюдать и фиксировать различия в протекании данного процесса на отдельных территориях, проявляющиеся в различной интенсивности прироста удельного веса пожилых людей в населении [2]. Существующая дифференциация не противоречит основным постулатам теории демографического перехода и во многом является отображением различий в прохождении его фаз. Не отрицая факта наличия единых трендов, следует обратить внимание и на тот факт, что много-

образии моделей демографического развития в мире сегодня даже больше, чем, например, в середине XX века. Это обострило научную дискуссию относительно закономерностей и особенностей регионального демографического развития [3; 4]. Если сузить предмет обсуждения до явления старения населения, то возникает закономерный вопрос: насколько существующие подходы к измерению и сравнению уровней демографической старости соответствуют современным реалиям?

Перед тем как перейти непосредственно к предмету нашего исследования, проведем терминологические границы между понятиями «демографическая старость» и «демографическое старение», которые на практике часто используются как синонимы. «Старость» – понятие статическое, «старение» – динамическое. Исследования, в основе которых лежит сравнение отдельных территорий (стран, регионов), направлены на оценку «молодости» или «старости» по выделенным классификационным критериям. Характеристика «старения» дается исходя из анализа изменения структуры населения территорий (стран, регионов) в разные периоды. При этом мера «старости» определяется некоторой условной возрастной границей. Существует множество возрастных классификаций, в каждой из которых выделяются разные периоды и границы этапов жизни человека, в том числе старости (*табл. 1*).

Представленные в таблице подходы отражают лишь часть всего многообразия подходов к определению периодов жизни человека. Мы воспользовались наиболее известными классификациями, анализ эволюции которых позволяет сделать важный вывод: несмотря на рост продолжительности жизни населения, возраст старости на протяжении всей истории человечества определялся в районе 60 лет.

Открытия Ч. Дарвина и А.Р. Уоллеса стали катализаторами развития множества направлений антропологии в конце XIX–начале XX века, в том числе относительно периодизации возраста человека, а также пределов продолжительности его жизни. Физиологи и антропологи (например, М. Рубнер, П. Флуранс, Л. Ашоф, И. Швидетски), опираясь на результаты своих исследований, пытались определить естественный предел жизни человека (на основании чего

Таблица 1. Границы возраста «старости» в разных возрастных классификациях

Классификация	Границы возраста «старости»	Начало старости
Древняя китайская классификация (до н.э.)	50–60 лет – последний период творческой жизни 60–70 лет – желанный возраст От 70 лет – старость	60 лет
Классификация Пифагора (до н.э.)	60–80 лет – старый и угасающий человек	60 лет
Классификация Гиппократ (до н.э.)	56–63 года – девятый период 63–70 – десятый период	Не определено
Классификация французских физиологов (начало XIX в.)	От 55–60 лет – период старости	55-60 лет
Классификация Флуранса (середина XIX в.)	70–85 лет – первый период старости От 85 лет – второй период старости	70 лет
Классификация Рубнера (конец XIX века)	50-70 лет – старость От 70 лет – почтенная старость	50 лет
Классификация Ашофа (начало XX века)	45–65 лет – начало старости 65–85 – старческий возраст От 85 лет – почтенная старость	45 лет
Классификация английских физиологов (начало XX века)	От 50 лет – период старости	50 лет
Классификация немецких физиологов (начало XX века)	От 60 лет – период старости	60 лет
Классификация Френкеля (середина XX века)	От 60 лет – период старости	60 лет
Большая Советская Энциклопедия (1960 г.)	65–75 – начало наступления старости	65 лет
Всесоюзная конференция геронтологов (1963 г.)	60–74 года – пожилой возраст 75–90 лет – старческий возраст 91 и старше – долгожители	60 лет
Классификация ВОЗ (вторая половина XX века)	51–60 лет – стареющий человек; 61–75 лет – пожилой человек; 76–90 лет – старый человек; 90–100 лет – очень старый человек; старше 101 года – человек в глубокой старости	50 лет
Концепция «третьего» возраста Питера Ласлетта (вторая половина XX века)	60–65 лет – «молодая старость» (The Young Old) 65 лет и старше – «мудрая зрелость» (The Old Old)	60 лет
Классификация ВОЗ (XXI век)	60–75 – пожилой возраст; 75–90 – старческий возраст; После 90 – долгожители.	60 лет
Источники: составлено авторами.		

осуществлялась и возрастная периодизация), в то время как статистики и демографы сосредоточили свое внимание на вычислении модальной («нормальной») продолжительности жизни населения (методы Лексиса, Мейнера и Фройденберга). Ученые из разных областей науки ставили перед собой разные задачи и применяли разный методологический инструментарий. Более того, в первом случае предметом исследования выступал индивид, во втором – население в целом.

Вопрос, связанный с процессом трансформации возрастной структуры населения, исследован достаточно широко, теоретический и методологический базис формировался на протяжении XX и в XXI веке. Одним из первых

исследователей, предложивших классификацию типов возрастной структуры, стал шведский демограф А.Г. Сундберг (1894). Он ввел в научный оборот понятие прогрессивного, стационарного и регрессивного типов возрастной структуры. При прогрессивной возрастной структуре население увеличивается, при стационарной – не меняет своей численности, а при регрессивной – сокращается. Отличие заключается в долях детей в возрасте 0–14 лет и «стариков» в возрасте 50 лет и старше. В прогрессивной возрастной структуре Сундберга доля детей составляет 40%, пожилых людей – 10%, в стационарной – соответственно 27 и 23%, в регрессивной – 20 и 30%. В связи с тем что регрессивный тип возрастной структуры во вре-

мена Сундберга практически не встречался (за исключением некоторых провинций Франции), им был сформулирован так называемый «закон равновесия возрастной структуры», главный постулат которого заключается в неизменности доли трудоспособного населения (15–49 лет) в пределах 49–50%¹. Однако если применить данную возрастную классификацию, например, к населению современной Франции, то можно констатировать, что диапазон значений удельного веса населения от 15 до 49 лет на протяжении 1950–2015 гг. варьировался от 44 до 50,5%². На практике закон Сундберга не подтверждается, однако примененный им подход стал базисом исследования возрастных профилей в демографии.

В 1930-е гг. немецкий статистик Ф. Бургдерфер несколько развил концепцию типов возрастных структур населения, сформулированную Сундбергом [5]. Прогрессивной возрастной структуре (молодое население) соответствует правильная пирамида. Диаграмма, изображающая стационарную структуру, напоминает «колокол». Регрессивной возрастной структуре отвечает фигура, названная «урной» (рис. 1).

Однако если во времена Ф. Бургдерфера регрессивный тип рассматривался в качестве теоретически возможного, то по данным за 2015 г. весь спектр выделенных типов возрастных структур находит свое отражение на практике (рис. 2).

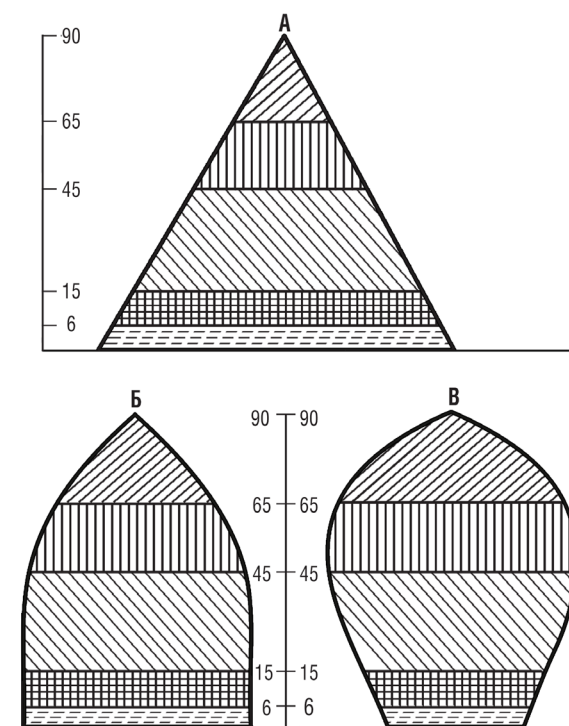
Бургдерфер и его соотечественник В. Майер считали, что тезис о взаимосвязи демографического старения и депопуляции является ошибочным и эмпирически не подтвержденным. Их мнение было вполне обоснованным, ввиду того что в первой половине XX века процесс увеличения доли и численности пожилых людей шел параллельно с ростом всего населения. Однако современная ситуация свидетельствует об обратном. В частности, за последние десять лет (с 2005 по 2015-й) население Японии (страна с самой высокой долей пожилых людей во все возрастах старше 60 лет) сократилось на 1%, а по среднему варианту прогноза ООН к 2050 уменьшится практически на 20%³.

¹ Медков В.М. Демография : учеб. пособие для вузов. Р/нД: Феникс, 2002. 448 с.

² World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

³ Там же.

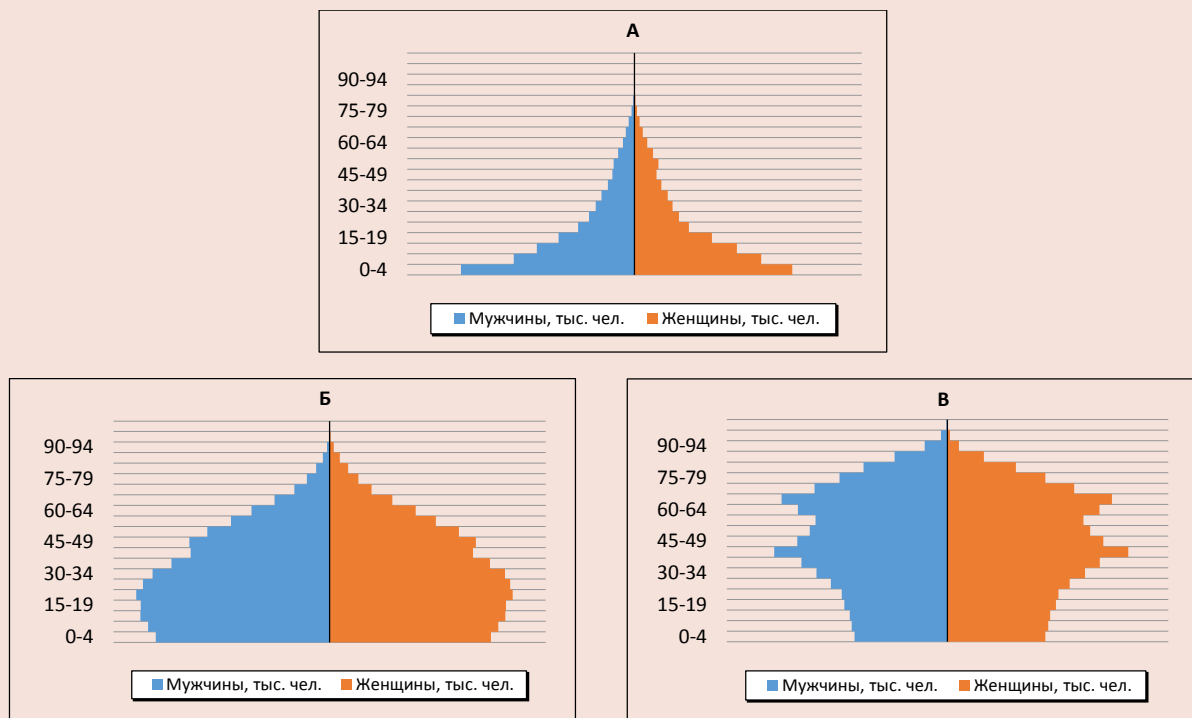
Рис. 1. Типы возрастных структур (по Ф. Бургдерферу): А – молодое (растущее) население; Б – постаревшее (стационарное) население; В – очень старое (убывающее) население

Источник: Медков В.М. Демография : учеб. пособие для вузов. Р/нД: Феникс, 2002. 448 с.

Следует отметить, что до середины XX века явлению старения населения уделялась крайне незначительное внимание со стороны научного сообщества, поскольку удельный вес и численность пожилых людей длительное время не демонстрировали существенных темпов роста. В то же время в рамках активно развивавшейся теории демографического перехода делались некоторые прогнозы и предположения относительно потенциально возможного нарастания проблемы уже в ближайшем будущем [6]. В 50–60-е годы проблема старения населения стала очевидной, что актуализировало проведение исследований, целью и задачами которых выступило определение основных методологических принципов оценки демографической старости территорий. В этот период времени был опубликован ряд теоретических и практических работ, совокупность которых можно условно назвать классическим этапом в развитии

Рис. 2. Возрастные структуры населения некоторых стран мира в 2015 г.:
А – Нигер; Б – Колумбия; В – Япония

Источник: составлено авторами по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

представлений о явлении старения населения: Доклад ООН «The Aging of Populations and its Economic and Social Implications» (1956), фундаментальные труды Э. Росseta (1959), Ж. Боже-Гарнье (1965), А. Сови (1966) и др.

Эксперты ООН одними из первых предприняли попытку классифицировать страны по уровню демографической «старости», а главным критерием был определен удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше. Предлагалось три уровня, характеризующие возрастную структуру населения [7]:

- 1) при наличии 4% лиц старше 65 лет – молодое население;
- 2) от 4 до 7% – зрелое население;
- 3) более 7% – старое население.

Подчеркнем, что данная классификация на сегодняшний день многими экспертами используется при анализе трендов процесса демографического старения. Однако в конце 50-х годов она была небезосновательно подвергнута критике со стороны некоторых ученых, в част-

ности польского демографа Э. Росseta. Он считал классификацию ООН слишком узкой и не отражающей в действительности всего глобального масштаба явления старения населения [5]. Проведя концептуальный анализ существовавших на тот момент подходов к определению возраста старости, Росset сформировал авторскую шкалу демографической старости, включавшую в себя уже четыре уровня, а в качестве классификационного критерия он использовал возраст 60 лет и старше. Позднее, когда он пришел к консенсусу с французским ученым Ж. Боже-Гарнье (изначально Э. Росset подвергал критике ее подход к выделению границ демографической старости), шкала была несколько расширена (табл. 2).

Таким образом, концепция Сундберга приобрела несколько иной формат: на смену прогрессивному, стационарному и регрессивному населению пришли молодые, зрелые и старые. В данном случае это скорее вопрос терминологического характера, т.к. разнородность типов

Таблица 2. Шкала демографической старости Боже-Гарнье–Россета

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровня старости населения
1	<8	Демографическая молодость
2	8–10	Первое преддверие старости
3	10–12	Собственно преддверие старости
4	12 и выше	Демографическая старость
	12–14	Начальный уровень демографической старости
	14–16	Средний уровень демографической старости
	16–18	Высокий уровень демографической старости
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости

возрастных структур не подвергалась сомнению. Однако главным методологическим отличием новых подходов стал уход от двухкритериальности в измерении демографической старости (ранее для характеристики типа возрастной структуры населения использовались как доли детей, так и доли пожилых). Уровень старости населения измерялся исключительно с использованием показателя удельного веса населения старше 60/65 лет. По мнению самих ученых, это позволило ввести более строгие методологические границы в исследовании демографического старения [5].

Несколько позднее Альфред Сиви в книге «Общая теория населения» (1966) представил своего рода резюме относительно подходов к исследованию процесса демографического старения. При этом французский ученый не сосредоточивался на вопросе выделения границ старости. Главным объектом его внимания стали практические результаты в оценке возможных последствий старения населения, а также показатели, позволяющие их измерять и прогнозировать [8]. К числу таких показателей в классической проекции измерения последствий изучаемого явления относились средний возраст населения, нагрузка пожилыми людьми в расчете на 1000 населения трудоспособного возраста (чаще всего – от 14 до 59/64 лет), индекс старости (численность пожилых людей в расчете на 100 детей в возрасте от 0 до 14 лет). Важным методологическим моментом выступает смещение принципа двухкритериальности от измерения уровня старости населения к измерению последствий данного явления.

В более поздние периоды рядом ученых [9–12] неоднократно предпринимались попытки создания новых типологий и классификаций

измерения уровней демографической старости и последствий старения населения, которые, впрочем, строились на уже устоявшихся классических принципах. В XXI веке, когда явление старения населения в странах мира начало приобретать глобальный масштаб, главный вопрос, с которого в 50–60-е годы XX века взяла свой старт научная дискуссия вокруг определения уровней «старости», стал еще более актуальным и звучит так: насколько установленные методологические границы соответствуют современным реалиям? Для наглядности сравним распределение стран мира в классификациях ООН и Боже-Гарнье–Россета в 1950 и 2015 годах (табл. 3 и 4).

Из представленных данных видно, что удельный вес стран мира, которые можно отнести к демографически старым, за период с 1950 по 2015 год вырос в несколько раз: с 23,5 до 44% по методике ООН и с 12 до 39% по шкале Боже-Гарнье–Россета. Эта тенденция еще раз подтверждает факт достаточной интенсивности процесса демографического старения в мире. Вместе с тем заметно сократилось присутствие стран в «буферной» зоне между «молодыми» и «старыми» территориями. Фактически в 50-е годы три условных уровня старости распределялись в порядке убывания от «молодых» к «старым». Однако на текущий момент обе классификации позволяют говорить скорее о существовании двух полюсов, на одном из которых находятся преимущественно «молодые» территории, на другом – «старые». Возникает противоречие: с одной стороны, сложно отрицать глобальность процесса демографического старения, с другой стороны, приведенные данные свидетельствуют не о снижении дифференциации между странами, а об отдалении двух противоположных групп.

Таблица 3. Распределение стран мира по уровню демографической старости в 1950 и 2015 годах (классификация ООН), %

Уровень старости	Доля стран мира, %	
	1950 год	2015 год
Молодое население (доля старше 65 лет менее 4%)	47,5	31,5
Зрелое население (доля старше 65 лет от 4 до 7%)	29	24,5
Зрелое население (доля старше 65 лет превышает 7%)	23,5	44

Источник: рассчитано авторами по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Таблица 4. Распределение стран мира по уровню демографической старости в 1950 и 2015 годах (классификация Боже-Гарнье-Россета), %

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Распределение стран, %	
		1950 год	2015 год
1	Демографическая молодость (<8)	66	43,5
2	Первое преддверие старости (8–10)	9,5	10
3	Собственно преддверие старости (10–12)	12	7,5
4	Демографическая старость (12 и выше)	12	39
	Начальный уровень демографической старости (12–14)	6	4,5
	Средний уровень демографической старости (14–16)	5,5	5
	Высокий уровень демографической старости (16–18)	1	2
	Очень высокий уровень демографической старости (18 и выше)	0	27,5

Источник: рассчитано авторами по данным World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>

Таким образом, уход от двухкритериальности (который должен был создать более строгие методологические рамки и снизить влияние на итоговый показатель доли и численности детей) себя не оправдал. В обеих классификациях произошло сужение «буферной» зоны между «молодыми» и «старыми» странами ввиду нарастания дифференциации между ними по аспекту рождаемости. Формат «старения снизу», т.е. за счет снижения рождаемости и, соответственно, доли детей в населении, сильно деформировал структуру стран мира по уровню демографической старости. Сравнение территорий между собой значительно осложнилось, что актуализировало поиск иных критериев демографической старости, в меньшей степени зависящих от показателей рождаемости.

В 1975 году Норманом Райдером была предложена новая мера старости населения, которая отражает не количество лет с момента рождения, а число лет дожития в старших возрастах [13]. В качестве критерия измерения уровня демографической старости он выбрал показатель

доли населения с ожидаемой продолжительностью жизни менее 10 лет. Позднее этот методологический принцип был заложен в основу концепции проспективного возраста (англ. *prospective age*), которую активно развивали У. Сандерсон и С. Щербов [14–17]. Предложенный ими критерий для определения уровня старости населения — доля населения с ожидаемой продолжительностью жизни 15 лет и менее. Исследователи поставили перед собой задачу определения объективных границ старости с точки зрения модели «старения сверху», основываясь на неоспоримом факте того, что условно современный 70-летний индивид обладает принципиально иными биологическими и социальными характеристиками, чем его ровесник несколько десятилетий назад. Главное отличие данного подхода к измерению демографической старости от традиционного заключается в парадоксальном на первый взгляд утверждении: увеличение продолжительности жизни в старших возрастах ведет не к старению, а к омоложению населения. Во многих разви-

тых государствах, где демографический переход начался заметно раньше, чем в остальном мире, медианный возраст населения, рассчитанный с использованием проспективного метода, имел тенденцию к снижению с середины XX века, тогда как показатель в традиционной проекции продолжает расти [18]. В качестве подтверждения рассмотрим показатели демографической старости, рассчитанные по разным методикам для населения России, Швеции и Дании (табл. 5).

Приведенные данные показывают разнонаправленный характер процесса демографического старения в классической и проспективной проекциях: доля населения в возрастах старше 60 и 65 лет растет, тогда как удельный вес населения с ОПЖ 15 лет и менее – снижается. Более того, Дания, входящая в верхнюю часть рейтинга по уровню демографической старости в традиционном измерении, имеет меньшую долю пожилых людей, чем Россия, если опираться на расчеты проспективного показателя. Очевидна также меньшая дифференциация стран по уровню демографической старости.

Важным моментом является и то обстоятельство, что сдвиг границ старости в проспективной концепции в целом соответствует тенденциям смещения социального возраста, имеющего во многом более формальные границы (например, пенсионный возраст). Следовательно, увеличение продолжительности жизни в старших возрастах расширяет рамки опреде-

ления производительного населения, что может служить аргументом в пользу повышения возраста выхода на пенсию. Однако есть одно НО: в концепции проспективного старения не учитываются темпы прироста ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) и иные характеристики, отражающие, например, институциональные особенности занятости населения в старших возрастах. В классическом измерении демографической старости эти элементы также не предусмотрены, в то время как установление границ возраста старости на уровне 60/65 лет позволяет приблизить соотношение биологического и социального (в данном случае имеется в виду пенсионный возраст) возрастов с прикладной точки зрения. Рассмотрим условный пример России. Если опираться на расчеты в проекции проспективного старения, то границы старости в стране составили бы в 2015 г. 62 года для мужчин и 69 лет для женщин. Вместе с тем законодательно установленные границы пенсионного возраста на тот момент составляли 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Следовательно, если рассчитывать показатель демографической нагрузки в проекции проспективного старения, то миллионы мужчин в возрасте от 60 до 62 лет и женщин в возрасте от 55 до 69 лет будут формально относиться к производительной части населения, хотя подавляющее большинство из них уже закончили свою трудовую деятельность. Пример России может быть не самым показательным, однако отметим, что проспективный возраст

Таблица 5. Удельный вес населения старших возрастов некоторых странах мира в различных классификациях (1990–2015 гг.)

Страна	Год	Доля населения старше 60 лет, %	Доля населения старше 65 лет, %	Доля населения с ОПЖ от 15 лет и менее, %
Россия	1990	15,9	10	11,4
	2015	19,8	13,2	11,1
	+/-	+3,9	+3,2	-0,3
Швеция	1990	22,7	17,8	14
	2015	25,2	19,6	11,6
	+/-	+2,5	+1,8	-2,4
Дания	1990	20,3	15,6	13,6
	2015	24,7	19	10,7
	+/-	+4,4	+3,4	-2,9

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru>; официального сайта статистики Швеции. URL: <https://www.scb.se/en/>; официального сайта статистики Дании. URL: <https://www.dst.dk/en>

старости в уже рассмотренных нами Швеции и Дании тоже значительно превышает нормативный пенсионный возраст (на 4 и 5 лет соответственно).

Вернемся к показателю ОПЗЖ в трех рассмотренных странах, динамика которого является, вероятно, одним из наиболее значимых критических аргументов не в пользу концепции проспективного старения. Так, за период с 1990 по 2015 год возраст «старости» в России, Дании и Швеции увеличился на 2; 4,5 и 3,5 года соответственно, тогда как показатель ОПЗЖ населения в возрасте 65 лет возрос на 1 год в РФ и на 2 года в Скандинавских странах. Объективно ситуация во всех без исключения странах мира складывается таким образом, что темпы роста показателя ОПЗЖ заметно уступают росту средней продолжительности жизни. И возникает вопрос о том, насколько объективными являются границы возраста в концепции проспективного старения? Как нам видится, использование критерия доли населения с ОПЖ в 15 лет и менее в измерении демографической старости несколько искажает представление о возрасте старости, т.к. не учитывает реальные достижения в области продления здоровой жизни в старших возрастах.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что существующие подходы к измерению уровня демографической старости имеют ряд недостатков. Так, измерение с помощью традиционных методов, применяющих показатели доли населения старше 60/65 лет, несколько устарело, в то время как при использовании проспективного метода, на наш взгляд, может завышаться представление о реальных границах старости населения. Нерешенным остается и вопрос о репрезентативности сравнения уровней демографической старости в отдельных регионах мира.

С точки зрения старения населения как динамического процесса трансформация возрастной структуры отображает перемещение населения от одной фазы демографического перехода к другой. Но с точки зрения демографической старости в статике — это набор абсолютно разных типов возрастных структур, сравнение которых между собой затруднено в силу разного влияния отдельных факторов на ее изменение. Таким образом, в сущности, потреб-

ность в измерении демографической старости на глобальном уровне теряет свою актуальность как с точки зрения традиционных методов, так и с позиции концепции проспективного старения.

Отметим, что мы не преследуем цель полного опровержения существующих мер измерения демографической старости. Проблема исключительно в методологической обоснованности применения единых критериев ее «возраста» для стран, находящихся на разных этапах демографического перехода. Основным же недостатком этих методов выступает то, что определение масштабов старения населения через призму возраста демографической старости (по сути, популяционный уровень) не дает ответа на важный вопрос: как стареет общество? Страны, имеющие схожие показатели демографической старости, могут существенно различаться по социально-демографическим характеристикам старшего поколения. Демографическое конструирование возраста «старости» основывается на применении методов, которые позволяют оценить факторы и последствия увеличения доли и численности пожилых людей в населении, но не дают возможности определить параметры изменения положения представителей старших возрастов в социальной структуре. В этой связи исследование эволюции социального конструирования «старости» (процесс, происходящий параллельно демографическим изменениям) является необходимым условием для полного понимания сущности «тихой революции».

Основные вехи эволюции общественного восприятия пожилого возраста: от геронтоцида к обществу «для всех возрастов»

В рассуждениях о проблеме последствий демографического старения наибольшее внимание, как правило, акцентируется на их экономической составляющей (проблема дефицита пенсионных систем, сокращение предложения на рынке труда и др.). В то же время трансформация возрастной структуры населения ведет к изменению социального пространства, в котором все большую роль играет старшее поколение. Отсюда возникает вопрос: что последует за этими изменениями и готово ли общество к ним? Ответ на него скрыт в общественном восприятии неизбежной смены социокультурной

парадигмы «старости», в которой ресурсный потенциал старшего поколения рассматривается как один из главных факторов устойчивого социально-экономического развития. Важно понимать, что процесс социальной «реструктуризации» пожилого возраста берет свое начало в глубокой древности, когда возрастная структура населения была совершенно иной, так же как место и роль пожилого человека. Отношение к представителям старшего поколения, как и демографические трансформации, имеет эволюционный характер, что подразумевает наличие определенных факторов, оказывающих влияние на его изменение. В этой части работы мы произвели попытку выстраивания хронологической последовательности изменения общественного восприятия представителей старшего поколения в контексте изменений возрастной структуры населения. Исследование проводилось путем поэтапного рассмотрения пяти исторических эпох (первобытное общество, античная эпоха, средневековье, новое и новейшее время), для каждой из которых дана краткая обобщенная характеристика демографии населения пожилого возраста и социального положения данной социально-демографической группы.

Первобытное общество. Э. Россет в фундаментальном труде «Процесс старения населения» называл древний социум «обществом без стариков» [5; 19]. Стоит отметить, что его высказывание подтверждается данными археологических раскопок – единственным источником информации о населении того времени. В середине XX века французский исследователь Анри Валуа представил общественности данные об исследовании 186 останков людей времен позднего палеолита (40–13 тыс. лет до н.э.) и мезолита (13–4 тыс. лет до н.э.), согласно которым в эти периоды в среднем только 2–2,5% населения доживало до возраста 50–60 лет [20]. Выдающийся отечественный демограф Б.Ц. Урланис ссылается в работе [21] на материалы раскопок в Северной Америке, где из 1132 скелетов племени доземледельческой стадии только четыре приходились на возраст 55 лет и старше. Венгерские ученые Г. Ашади и Я. Немешкери рассчитали коэффициент дожития для населения эпохи палеолита в возрасте 40–44 лет, составивший 0,01. В целом же пики смертно-

сти наблюдаются в возрастах от 0 до 5, а также от 20 до 30 лет [22]. По мнению Б.Ц. Урланиса [21], основной причиной смертности взрослых в древние времена была насильственная смерть (гибель в стычках с животными, ритуальные убийства, битва за добычу и др.).

Что касается отношения к пожилым людям, то, по мнению Э. Россета [19] и Л. Кшивицкого [23], в первобытном обществе было широко распространено сознательное умерщвление стариков. Причина, вероятнее всего, заключалась в ограниченности ресурсов к существованию и угасание физиологических свойств организма в пожилом возрасте, в связи с чем терялись возможности к выполнению полезных для общины функций. Человек в зрелом возрасте занимал важное место в общественной структуре, т.к. обладал опытом и навыками добычи полезных ресурсов, но с наступлением старости эти умения обесценивались. Вместе с тем Л. Кшивицкий, опираясь на исследования возрастной структуры останков и поведенческих особенностей племен Новой Зеландии и Новой Гвинеи, выдвинул гипотезу, согласно которой положение стариков значительно улучшилось, когда древними людьми был освоен огонь [23]. Если обратиться к известной классификации Л. Моргана [24], то можно предположить, что социальная значимость представителей старшего поколения принципиально изменилась с переходом человечества на среднюю ступень дикости. В племенах старикам, наряду с женщинами, присваивается важная функция – поддержание огня. Фактически это можно назвать первой из наиболее существенных стадий эволюции отношения к пожилым людям, характерными чертами которого стали осознание полезности выполняемых представителями старшего поколения функций.

Античная эпоха. Раннеисторическая эпоха предоставляет значительно больше сведений о возрастной структуре, месте и роли пожилого человека в социуме. Дж. Энджел в работе [25] сопоставил археологические данные об останках греков в эпоху неолита и во времена Римской империи, согласно которым средний возраст в момент смерти увеличился в этот период почти на 7 лет (31,8 и 38,5 года соответственно). Для сравнения: Я. Шилади, который провел исследование надгробий в 48 городах и райо-

нах Римской империи, определил, что средний возраст умерших в античную эпоху составлял 32,2 года [19]. К. Пирсон, исследовавший таблички, прикрепленные к мумиям в Древнем Египте [26], и У. Макдонел, изучивший надгробные надписи в западной части Римской империи времен I в. до н.э. – I в. н.э. [27], оценили среднюю продолжительность жизни населения древнего мира в 22 года. Американские исследователи Л. Даблин, А. Лотка и М. Шпигельман предполагали, что эта величина находится в диапазоне от 20 до 30 лет [28]. Разница в представленных оценках объясняется в первую очередь различиями в применявшихся методах.

Однако для нас важен не сам порядок цифр, а факт увеличения продолжительности жизни населения в эту эпоху по сравнению с доисторической. В качестве основной причины таких изменений Дж. Энджел называл улучшение санитарно-гигиенических условий и устранение некоторых видов внешних причин смертности [25]. Безусловно, увеличение продолжительности жизни и повышение ее качества положительно отразились на отношении общества к старшему поколению.

Распад родоплеменных отношений существенно изменил положение пожилых людей в структуре общества. Можно с уверенностью говорить о том, что социальное устройство античных государств было основано на семейно-клановых принципах. Известный древнегреческий историк и географ Страбон отмечал, что «...пользуются доверием люди самые знаменитые, старейшие и наиболее опытные» [29]. Высшие органы власти в Древней Греции («геруссия») и Римской империи («сенат») представляли собой советы старейшин. Этимология этих слов показывает, что они происходят от слов «старец» и «старик» [30]. Уже в наше время система государственного управления античных государств получила название «геронтократия», т.е. «власть стариков».

Вместе с тем в литературных источниках древнего мира найдены сведения, на основании которых можно оценить общественное восприятие пожилых людей и их образа жизни. Римский мыслитель Цицерон одним из первых представил философское осмысление пожилого возраста в диалоге «О старости», написанном им в 44 году до н.э. [31]. В этом произведении

он выделил четыре основные причины, которые формируют негативное представление о пожилых людях и остаются актуальными в XXI веке:

- старость препятствует деятельности;
- старость ослабляет тело;
- старость лишает всех наслаждений;
- старость приближает нас к смерти.

Цицерон не отрицает самого существования данных явлений, но уделяет большое внимание философскому отношению индивида к старшему возрасту. По его мнению, дальновидность, накопленный опыт и стойкий характер делают пожилой возраст самым полезным для мудрого человека. Цицерон приводит множество примеров активной политической и военной деятельности своих пожилых современников, тем самым опровергая мнение о том, что возраст препятствует общественной деятельности. Здравый смысл, тренировка памяти и размышления компенсируют угасающую физическую силу, а опрометчивость молодости сменяется дальновидностью. Что касается последней из названных мыслителем причин, то, по его мнению, каждый человек находится на одинаковом расстоянии от смерти.

Позднее размышления Цицерона о старости поддержал его соотечественник Луций Анней Сенека. В 12 главе «Нравственных писем к Луцилию» [32] он призывает рассматривать старость в качестве неизбежной части жизненного пути человека, наполненной своими преимуществами, характерными для данного возраста. Вслед за Цицероном, Сенека пишет, что «все наслаждения...заменяет отсутствие нужды в них», но, в то же время, старость «...полна наслаждений, если уметь ими пользоваться».

Важно отметить, что исторические источники свидетельствуют о сохранении древней традиции умерщвления пожилых людей в античную эпоху. Страбон приводит несколько примеров, относящихся примерно к IV в. до н.э. [29]. На острове Кеос (полис Юлида) существовал обычай, предписывавший всем старикам старше 60 лет выпивать цикуту (ядовитый экстракт). Обосновывалось это нехваткой пищи, а сам «закон» звучал следующим образом: «Плохо не должен жить тот, кто не живет хорошо». В племенах согдейцев и бактрийцев (современная территория Узбекистана и Тад-

жикистана) стариков заживо скармливали собакам, однако этот обычай, согласно Страбону, был устранен Александром Македонским. В скифо-сарматских племенах Арало-Каспийского региона существовала практика поедания пожилых людей мужского пола старше 70 лет, а также умерщвления голодной смертью. М.И. Кулишер, ссылаясь на протестантского пастора и этнографа Матфея Претория [33], указывает, что геронтоцид («убийство стариков») практиковался у прусских литовцев и древних пруссов.

Таким образом, несмотря на некоторые изменения в социальном статусе представителей старшего поколения, проблема геронтоцида в древнем мире оставалась актуальной. В силу недостаточности имеющихся сведений мы не можем говорить о масштабе этого явления, но факт его существования опровергнуть трудно. Более того, приведенные примеры демонстрируют нам, что практиковавшееся умерщвление пожилых людей не имело привязки к конкретной культуре. Как и ранее, в каждом случае прямо или косвенно прослеживается единая причина: нехватка ресурсов. Соответственно, мы можем предполагать, что геронтоцид представлял собой одно из первых и наиболее радикальных проявлений возрастной дискриминации, относившейся преимущественно к пожилым людям, чье физическое и моральное состояние, по мнению их современников, не позволяло отнести их к «полезной», производительной части общества.

Эпоха средневековья. Данный период истории человечества предоставляет ученым крайне малое количество материалов по статистике населения и исторической демографии. Один из наиболее значимых трудов о средневековой демографии принадлежит Дж. Расселу [34]. Ученый рассчитал 11 таблиц смертности для населения Англии за период с 1276 по 1450 г., в соответствии с которыми средняя продолжительность жизни при рождении в ту эпоху составляла порядка 26–28 лет. Стоит отметить, что значение показателя сильно варьировалось (от 17 до 35 лет), причиной чего послужила эпидемия чумы, достигшая своего пика во второй половине XIV века. Именно этот фактор стал главным барьером для роста продолжительности жизни в средневековую эпоху. Одним из подтверждений гипотезы о снижении средней

продолжительности жизни в рассматриваемые исторические периоды является исследование В. Вальораса: по его данным значение показателя для населения Греции в эпоху античности и средневековья находилось на одинаковом уровне – 22 года [35].

Наиболее детальные сведения о возрастной структуре населения средневековья представлены в работе Г. Ашади и Я. Немешкери [22]. Согласно данным их исследования, проведенного в Югославии (X–XI вв.), в Швеции и Германии (XII–XIV вв.), в изучаемый период на территории Европы до возраста 60 лет доживало в среднем 6% населения. Э. Россет в своих исследованиях [5; 19] ссылается на сочинение папы Иннокентия III (1161–1216) «О предсказуемом мире и нищете человеческой», который охарактеризовал демографическую ситуацию своей эпохи следующими словами: «Мало кто доживал до сорока лет, а шестидесятилетние представляли собой редкие случаи». На основании вышеизложенного мы можем предположить, что в средневековье эволюция продолжительности жизни и, соответственно, рост численности пожилых людей замедлились, что во многом было обусловлено большим количеством войн, неудовлетворительными санитарными и экономическими условиями.

Обратимся теперь к общественному восприятию пожилых людей в рассматриваемый исторический период. Известный историк и социолог Ф. Арьес предоставляет важные сведения относительно образа старшего поколения в глазах средневекового общества [36]. Иконографическая традиция Франции XIV–XVIII веков свидетельствует о том, что каждому конкретному возрасту присваивалась определенная социальная функция. В случае с пожилым человеком (возраст домоседства) – это неопрятно одетый по старой моде бородатый ученый (либо представитель иной когорты, имеющей отношение к умственному труду). Таким образом, в средневековье знание и связанные с ним функции ассоциировались именно с пожилым возрастом. Это позволяет нам предположить, что представители старшего поколения получают конкретную нишу в общественной структуре. В то же время Ф. Арьес отмечает, что в средневековой Франции пожилые люди не пользовались общественным уважением [36]. Старость

определялась как возраст отречения от дел, возраст чтения книг и молитв. В XVI–XVII веках сформировался образ полноценного человека — человека молодого: военный в офицерском поясе на вершине социальной пирамиды. Безусловно, пример Франции не дает возможности экстраполировать полученные выводы на все регионы мира, но, на наш взгляд, эти сведения позволяют косвенно охарактеризовать ситуацию в странах континентальной Европы, которые исторически выступали «авангардом» социальных трансформаций.

Стоит упомянуть о случаях геронтоцида, которые были характерны для того времени. Одним из наиболее важных исторических фактов выступает поручение папы римского Александра IV, датированное XIII веком, согласно которому известный средневековый теолог Альберт Великий должен был отправиться в Польшу, чтобы устранить существовавший там варварский обычай убийства стариков [33]. А.А. Котляревский подробно рассмотрел традиции умерщвления пожилых людей у вендов (собираемое обозначение славянских племен, населявших территорию Европы). Автор приводит пример, относящийся к 1220 г., когда старейшина Левин фон Шулбергер насильно отнял у группы вендов приговоренного ими к смерти старика, который после этого случая прожил еще порядка 20 лет [37]. Последнее упоминание об этом обычае вендов относится к XVII веку. Церковный служитель Гильдебранд писал: «В прежние времена дети сами убивали своих одряхлевших родителей, которые неспособны были зарабатывать, говоря, что Богу не угодны люди неработающие» [33]. На наш взгляд, приведенная цитата является еще одним подтверждением того, что в условиях относительно устойчивой демографической ситуации экономический контекст во многом определял отношение к пожилым людям в эпоху древности и средневековья. Однако следует также отметить, что в относительно развитых государствах этот обычай стал подвергаться сомнению и рассматривался в качестве негуманного пережитка прошлого.

Новое время. Рассматриваемая историческая эпоха отождествляется с зарождением демографии как науки. Второй половиной XVII века датируются две первые известные таблицы смер-

ности: Дж. Граунта для населения Лондона (1660-е годы) и Э. Галлея для населения Вроцлава (1687–1691). Однако оценки средней продолжительности жизни существенно различались: около 18 лет в первом случае [38] и 30 лет — во втором [39]. По расчетам Э. Галлея до возраста 60 лет доживало 24,2% (напомним, что для средневековья этот показатель составлял порядка 6%). Во Франции, Голландии и Швеции XVIII века доля доживающих до 60 лет возросла до 30% [5]. В XIX веке доля доживающих до пожилого возраста в развитых странах варьировалась от 35 до 46%, в то время как в Европейской части России она составляла порядка 25%, что соответствует показателям для Польши XVII века по расчетам Э. Галлея. С.А. Новосельский в труде «Смертность и продолжительность жизни в России» (1916) возрастную структуру Российской империи характеризовал как «типичную для аграрных стран, отсталых в санитарном, культурном и экономических отношениях» [40]. На рубеже XIX и XX веков до 60 лет доживало порядка 29% жителей Европейской части России, в то время как в Швеции и Дании — свыше 50% [41]. Выявленная дифференциация важна для сравнения демографического развития стран, но стоит отметить самое главное: для всех рассмотренных государств наблюдалось (в разной степени) снижение смертности, в том числе в старших возрастах. В начале XX века в нескольких европейских странах доля населения старше 60 лет превышала 10% (Франция, Швеция, Ирландия). Что касается изменения средней продолжительности жизни, то в развитых странах согласно расчетам⁴ она возросла в период с 1840 по 1900 г. в среднем почти на 10 лет (с 41 до 50,5 соответственно).

Восприятие пожилых людей в общественном сознании также претерпевало изменения. Образ уважаемого старца в развитых странах постепенно сменился на «человека в возрасте» и «женщину или мужчину, хорошо сохранившихся» [36]. Определяющим в этом отношении становится изменение представления о возрасте старости, что является своего рода социальным феноменом. Социальные феномены —

⁴ Demographic Yearbook. 1953. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/dyb/dybsets/1953%20DYB.pdf>

это конструкции, созданные человеком в ходе исторического развития [42]. Конструирование старости в Новое время происходит в контексте осознания демографических (увеличение продолжительности жизни и трансформация возрастной структуры), экономических (индустриальная революция) и культурных изменений.

Несмотря на существенные изменения в восприятии пожилого населения, упоминания о геронтоциде встречаются и в XIX веке. Так, известный путешественник Д.Н. Бухаров описал обычай лопарей (саамов), кочевников: больного или пожилого человека оставляли на произвол судьбы, в том случае если он не мог продолжить путь вместе с остальными. Для него сооружали небольшой шалаш, оставляли немного воды и провизии, после чего покидали [43]. Особый интерес представляет заметка П. Литвиновой в журнале «Киевская старина» (1885) под названием «Как сажали в старину людей старых на лубок» [44]. Автор приводит данные интервью с жителями одного из селений Малороссии, подтверждающие факт умерщвления пожилых людей. В рассказе местного жителя прямо прослеживается сущность отношения к старикам в те времена: человек в пожилом возрасте имел значимость и уважение только в том случае, если обладал полезными для своей социальной группы умениями и навыками.

Важно также отметить, что к концу исторической эпохи в ряде передовых стран (например, Швеция, Англия, Германия) начинают проводиться регулярные переписи населения, которые рисуют более достоверную картину возрастной структуры. Во второй половине

XIX века рейхсканцлером Германии Отто фон Бисмарком внедрялась первая модель системы социального обслуживания и страхования населения (в том числе пенсионного), ознаменовавшая собой наступление эпохи «социальных государств». Одна из главных причин таких изменений заключалась в осознании факта роста численности населения старших возрастов в целом ряде стран континентальной Европы. Именно в те годы взяло свое начало явление, которое к 20-м годам XXI века станет глобальным и кардинально поменяет представление общества о старшем поколении и «возрасте старости», – старение населения.

Новейшее время. Современная эпоха ознаменована демографическими трансформациями. В 1909 г. французский демограф А. Ландри обратил внимание на существование определенных закономерностей в демографическом развитии западных стран, а также на переход к «новому демографическому режиму» [45]. Знаковым событием стал выход в свет его книги «Демографическая революция» (1934 [46]), давшей одноименное название изменению трендов рождаемости и смертности в развитых странах в первой половине XX века. Уменьшение числа рождений и увеличение продолжительности жизни вызвало существенную трансформацию возрастной структуры населения, главной характеристикой которой стал не наблюдавшийся ранее колоссальный прирост доли и численности населения пожилого возраста (табл. 6). По данным за 2015 г. удельный населения старше 60 лет в развитых странах в среднем составляет 24% (в мире – 12%).

Изменение демографической ситуации привело к пересмотру государственной политики в

Таблица 6. Изменение доли пожилых в общей численности населения в развитых странах

Доля лиц в возрасте свыше 60 лет, %	Страна, год			
	Франция	Швеция	Великобритания	Германия
8	1788	1860	1910	1911
10	1850	1882	1925	1925
12	1870	1912	1931	1937
14	1931	1948	1938	1950
15	1939	1950	1940	1954
16	1947	1956	1952	1960
17	1961	1959	1961	1962

Источник: Сови А. Общая теория населения. Т. 2 : Жизнь населения / пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. М. : Прогресс, 1977. 520 с.

отношении граждан пожилого возраста. Проблема старения населения требовала решения двух взаимосвязанных задач: поддержание экономического роста и обеспечение достойного качества жизни старшего поколения. В начале XX века большинством развитых стран мира был взят курс на введение общегосударственных социальных программ. Долгое время (если более точно, то до 70-х–80-х годов) пенсионные системы развитых стран основывались на т.н. принципе солидарности поколений (модель условно-накопительной пенсионной системы «pay-as-you-go») и функционировали посредством перераспределения средств между поколениями, а точнее перечисления части доходов работающего населения в пользу нетрудоспособных граждан. Однако, когда демографический дивиденд был исчерпан и большинство развитых стран вошли в третью фазу демографического перехода, пенсионная нагрузка на трудоспособное население начала существенно возрастать, что сделало актуальным вопрос о справедливости перераспределения общественных финансов. Социально-демографической группе пожилых людей, до этого рассматривавшейся только в качестве непроизводительной части населения, присваиваются ярлыки «бремя» или «обуза» для государства и его бюджета. Отметим, что многие страны отреагировали на этот вызов переходом к накопительной пенсионной системе, повышающей индивидуальную ответственность гражданина за свои пенсионные накопления.

Еще одним важным последствием демографического старения является трансформация рынка труда и сокращение предложения на нем. Во второй половине XX века работодатели в развитых и развивающихся странах использовали применительно к пожилым людям систему, которую условно можно назвать «последний на вход, первый на выход» [47]. Т.е. люди, приближающиеся к пенсионному возрасту, стали первыми кандидатами на увольнение и последними – при приеме на работу. В 70-х годах в развитых странах активно вводилась практика раннего выхода на пенсию из-за кризиса занятости, возникшего в те годы, разрабатывались специальные программы «освобожденной занятости» (Англия) или предпенсионных выплат (Германия) [47]. Но, несмотря на контекст, эта

система по определению является дискриминационной, причем экономически обоснованной только в рамках «демографического окна»: если соотношение доли иждивенцев и удельного веса трудоспособного населения стремится к минимуму.

На рубеже XX–XXI веков в большинстве развитых стран проблема профицита предложения на рынке труда сменилась ее дефицитом. Из-за необратимости глобального демографического старения актуальной стала проблема реализации второго демографического дивиденда [48], основанного на ресурсном потенциале старшего поколения, проще говоря – стимулировании занятости пожилых людей и внедрении политики продления периода трудовой активности граждан после достижения пенсионного возраста. Мировая общественность отреагировала на это принятием нормативных документов, регулирующих, в том числе, трудовую деятельность пожилых людей: Венский международный план по проблемам старения (1982), Декларация по проблемам старения (1992), Мадридский международный план действий по проблемам старения (2002). Государствам и работодателям рекомендуется создавать благоприятные условия и стимулировать занятость населения «третьего возраста». Отношение к пожилым людям в обществе выстраивается через осознание необходимости эффективной реализации их ресурсного потенциала.

В современном мире нет места геронтоциду, однако пренебрежительное отношение к пожилым людям сохранилось в иной форме, которая в науке получила название «эйджизм». Термин был введен в оборот американским ученым Р. Батлером [49] и означал дискриминацию по возрастному признаку по аналогии с нацизмом и сексизмом. Батлер рассматривал его в качестве комбинации трех взаимосвязанных аспектов, таких как негативная стереотипизация пожилых людей, дискриминационные проявления в межличностном взаимодействии людей, дискриминация на институциональном уровне (в частности, на рынке труда) [50].

Можно предположить, что возрастная дискриминация по отношению к пожилым людям выступает фактором снижения качества их жизни. Для подтверждения этой гипотезы мы предприняли попытку сравнения результатов ше-

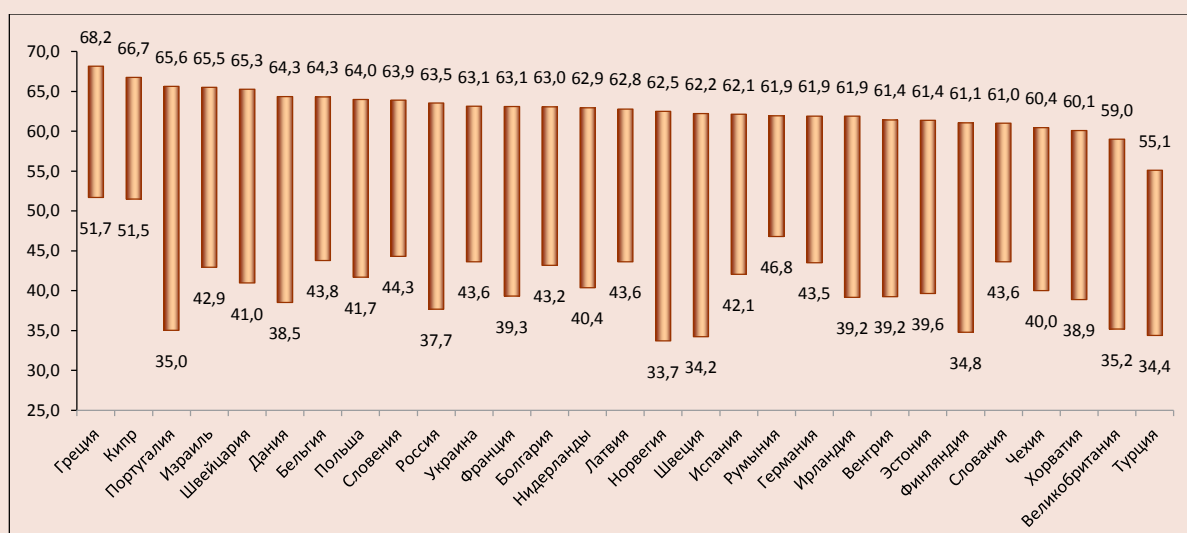
стой волны социологического исследования The World Values Survey⁵ (блок вопросов, направленный на выявление возрастной дискриминации) с данными рейтинга качества жизни пожилых людей в мире (Global AgeWatch Index, 2015 г.), рассчитанного по методике международной неправительственной организации HelpAge International. Расчеты продемонстрировали наличие сильной положительной корреляционной связи ($r=0,71$), т.е. чем ниже уровень дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям, тем выше качество их жизни. Искоренение эйджизма, который является таким же социальным рудиментом, как и геронтоцид, стало неотъемлемой частью перехода к новой социокультурной парадигме «старости» и политике эффективной реализации ресурсного потенциала старшего поколения.

Социологические опросы — один из важных инструментов получения информации о границах возраста «старости» с позиции самого общества. В 2008 году участникам Европейского социологического исследования (ESS) предлагалось ответить на два интересующих исследователей вопроса: 1) «В каком возрасте закан-

чивается молодость?» и 2) «В каком возрасте начинается старость?». На рисунке 3 представлены данные по некоторым странам мира (цифра внизу столбца — завершение молодости, вверху — начало старости).

Из приведенных данных мы можем заключить, что указанные страны наиболее существенно различаются с точки зрения завершения периода молодости (что сказывается и на длительности «зрелости»), в то время как возраст «старости», без учета крайних точек, варьируется в диапазоне от 60 до 65 лет. В целом это подтверждает актуальность использования схожих критериев при определении демографической старости, а также примерное соответствие пенсионному возрасту, являющемуся одним из формализованных вариантов возраста социального. Можно предположить, что возраст «старости» в понимании социума во многом соответствует законодательно закрепленному возрасту выхода на пенсию. Т.е. не только демографические факторы обуславливают социальные изменения, но и, наоборот: возраст «недееспособности» в общественном сознании становится продуктом социального конструирования.

Рис. 3. Распределение ответов на вопросы «В каком возрасте заканчивается молодость?» и «В каком возрасте начинается старость?», 2008 год, лет

Источник: ESS4 2008. Available at: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=4>

⁵ Стандартизированные опросы проводились в 56 странах на протяжении 2010–2014 годов, общая выборка составила свыше 90 тыс. человек.

Интересные сведения получил ВЦИОМ, который провел схожий вариант опроса на территории России (рис. 4).

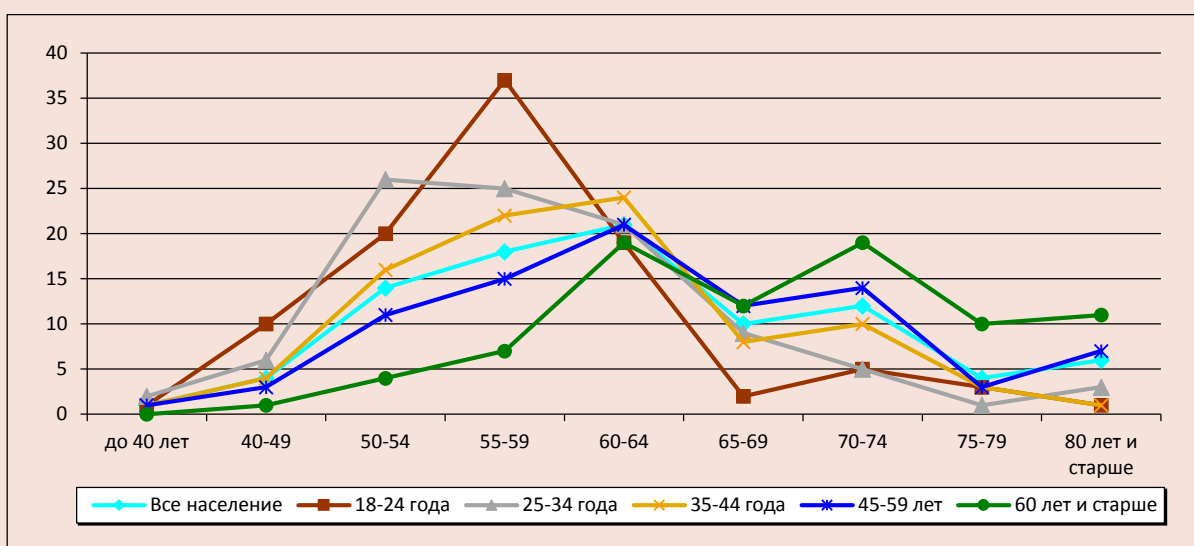
В этом случае важен не столько сам факт того, какой именно возраст россияне соотносят со старостью, сколько различия в представлениях об этом в разных возрастных группах. Так, исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что, по мнению представителей младших групп, возраст «старости» наступает существенно раньше в сравнении с позицией старшего поколения. Т.е. мы можем предположить, что в условиях старения населения и соответственно увеличения численности пожилых людей возраст «старости» конструируется не только посредством осознания факта роста продолжительности жизни, но и посредством изменения баланса представительства отдельных социально-демографических групп в населении. Косвенно это подтверждается ранее полученными нами данными, согласно которым уровень толерантного отношения к пожилым людям выше в странах, где фиксируется наибольшее присутствие этих групп в общей структуре [1].

Очевидно, что демографические изменения являются первопричиной старения как населения (популяции *homo sapiens*), так и общества в

целом. Однако в текущих условиях глобальности и необратимости старения населения причинно-следственные связи становятся не столь однозначными. Стареющее общество, адаптируясь к новым демографическим параметрам, «реструктуризирует» понятие возраста «старости», которое во многом определяется социальными конструктами (такими как пенсионный возраст). Старение населения и общества – абсолютно естественные процессы, которые можно лишь ускорить или замедлить, но которым вряд ли можно препятствовать. Возвращаясь к методологическим размышлениям об актуальности подходов к определению возраста «старости», мы сталкиваемся с вопросом: а есть ли место и потребность в этом термине в стареющем обществе?

Закключение. Если древний социум с уверенностью можно назвать «обществом без стариков», то современная демографическая ситуация – противоположная. Опираясь на имеющиеся сведения, предположим, что кардинальные изменения в положении представителей старшего поколения происходили под влиянием революционных цивилизационных прорывов (добыча огня, индустриальная революция и т.д.), а также качественных сдвигов в демографической системе. В частности, расцвет социаль-

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «На Ваш взгляд, в каком возрасте начинается старость?», 2018 год

Источник: Демоскоп Weekly. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0787/opros01.php>

ных государств в развитых странах пришелся на стадию реализации ими демографических дивидендов, когда доля иждивенческих групп в населении достигла исторического минимума, что позволило создать фундамент для развития протекционистских систем социального обеспечения пожилых граждан. Таким образом, становится очевидным, что конструирование возраста «старости» в ее изначальном проявлении имело преимущественно демографический контекст с ярко выраженными экономическими факторами.

В условиях глобального, необратимого (при сохранении суженного воспроизводства) старения населения и демографической бета-конвергенции (развивающиеся страны «стареют» существенно более высокими темпами, чем развитые) [51] конструирование возраста «старости» постепенно переходит в социальную плоскость. Общества реструктуризируют представление о старости не только через прирост продолжительности жизни (в том числе здоровой), но и через осознание возрастающей роли старшего поколения в поддержании устойчивых темпов социально-экономического развития.

Изменение общественного мнения касательно пожилого возраста в разные исторические периоды определялось восприятием демографической структуры и текущими социально-экономическими условиями. В каждой рассматриваемой нами эпохе отношение к пожилым людям имело свои особенности: менялись и выполняемые ими функции, и социальный облик. Проведенный анализ демонстрирует, что явление системного геронтоцида встречалось на протяжении всей истории

человечества вплоть до XIX в. Очевидно, что основными факторами, определявшими существование данного феномена, выступали элементарная нехватка ресурсов и утрата представителями старшего поколения полезных, по мнению остальной части общества, навыков. Планомерный переход от презрения к пожилым людям до исчезновения понятия «старость», по крайней мере, в значении деградации, можно рассматривать как реакцию общества на изменение продолжительности жизни. В то же время социальное конструирование образа пожилого человека в условиях демографического старения, как и в предыдущие исторические эпохи, осуществляется путем оценки полезности навыков представителей старшего поколения. Основное отличие заключается в том, что если ранее главной социальной функцией человека пожилого возраста выступала «трансмиссия» накопленного им жизненного опыта, то сегодня, в условиях, когда доля пожилых людей в большинстве развитых и развивающихся стран является единственно возрастающей, на данную социально-демографическую группу возлагается ответственность за поддержание устойчивого социально-экономического развития государства. В связи с этим первостепенной становится задача по созданию благоприятных условий для увеличения включенности представителей старшего поколения в общественно полезную деятельность. Это может существенно упростить процесс перехода к новому обществу. Эффективность решения данной задачи зависит не только от самих пожилых людей, но и от политики государства, а также готовности общества принять эти неизбежные изменения.

Литература

1. Барсуков В.Н. Оценка распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 4. С. 82–90.
2. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 89–103.
3. Вишевский А.Г. Это ключ от другого замка // Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 150–155.
4. Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. № 2. 2005. С. 139–149.
5. Россет Э. Процесс старения населения. М. : Статистика, 1968. 508 с.
6. Thompson W.S. Population. *American Journal of Sociology*, 1929, no. 34 (6), pp. 959–975.

7. The aging of populations and its economic and social implications. United Nations : New York, 1965, 128 p.
8. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения / пер. с франц. Ф.Р. Окуновой. М. : Прогресс, 1977. 520 с.
9. Бухер С. Современные тенденции старения населения России // Вестник Российской Академии Наук. 2016. № 3. С. 215–223.
10. Meltem I. Economic and Social Consequences of Population Aging the Dilemmas and Opportunities in the Twenty-First Century. *Applied Research in Quality of Life*, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
11. Dlugosz Z. The level and dynamics of population ageing process on the example of demographic situation in Europe. *Bulletin of Geography (Socio-Economic series)*, 2003, no. 2, pp. 5–15.
12. Golini A. Demographic trends and aging in Europe. Prospects, problems and policies. *Genus*, 1997, vol. 53, pp. 33–74.
13. Ryder N. B. Notes on Stationary Populations. *Population Index*, 2017, vol. 41(1), pp. 3–28.
14. Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age. *Nature*, 2005, vol. 435(7043), pp. 811–813.
15. Sanderson W., Scherbov S. Remeasuring Aging. *Science*, 2010, vol. 329, pp. 1287–1288.
16. Sanderson W., Scherbov S. The Characteristics Approach to the Measurement of Population Aging. *Population and Development Review*, 2013, vol. 39, pp. 673–685.
17. Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The coming acceleration of global population ageing. *Nature*, 2008, vol. 451(7179), pp. 716–719.
18. Васин С.А. Традиционный и перспективный возраст, или двойственная роль высокой смертности // Demoscope weekly. 2008. № 357–358. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema03.php>
19. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни. М. : Прогресс, 1981. 384 с.
20. Vallois H. Vital Statistics in Prehistorical Population as Determined from Archeological Data. The Application of Quantitative Methods in Archeology. Chicago, 1960. 358 p.
21. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М. : Статистика, 1978. 310 с.
22. Acsádi J. History of human life span and mortality. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1970. 346 p.
23. Krzywicki L. Primitive Society and its Vital Statistics. London. : Macmillan and Co, 1934. 589 p.
24. Морган Л. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л. : Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 386 с.
25. Angel J. The Length of Life in Ancient Greece. *Journal of Gerontology*, 1947, vol. 2, pp. 18–24.
26. Pearson C. On the Change in Expectation of Life in Man During a Period of circa 2000 years. *Biometrika*, 1901, vol. 1, pp. 261–264.
27. Macdonel W. On the Expectation of Life Ancient Rome and Provinces of Hispania and Lusitania, and Afrika. *Biometrika*, 1913, vol. 19, pp. 366–380.
28. Dublin L., Lotka A., Spiegelman M. Length of Life: A Study of the Life Table. New York : Ronald Press Co, 1949. 349 p.
29. Страбон География. Л. : Наука, 1964. 944 с.
30. Меликова, К.А. Геронтократия как феномен античной культуры // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 37. С. 24–31.
31. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М. : Наука, 1993. 248 с.
32. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. М. : Наука, 1977. 386 с.
33. Кулишер М.И. Очерки сравнительной этнографии и культуры. С.-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1887. 308 с.
34. Russel J. British Medieval Population. Albuquerque : Univ. of New Mexico Press, 1948. 389 p.
35. Valaoras V. Standard Age and Sex Patterns of Mortality. Trends and Differentials in Mortality, 1956, pp. 133–149.
36. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
37. Котляревский А.А. Древности права балтийских славян: опыт сравнительного изучения славянского права. Прага: тип. В. Нагеля, 1874. 178 с.
38. Westengaard, H. Contributions to the History of Statistics. New York : A. M. Kelley, 1978. 280 p.

39. Pearl R. Introduction to Medical Biometry and Statistics. London : W. B. Saunders company, 1923. 398 p.
40. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : Тип. Министерства внутренних дел, 1916. 208 с.
41. Hart H. Expectation of Life as an Index of Social Progress. *American Sociological Review*, 1944, vol. 9, pp. 609–621.
42. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
43. Бухаров Д. Н. Поездка по Лапландии осенью 1883 года. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 345 с.
44. Литвинова П. Как сажали в старину людей старых на лубок // Киевская старина. 1885. Том XII. С. 354–356.
45. Вишневецкий А.Г. Незамеченный вклад в теорию демографического перехода // Демографическое обозрение. 2015. №4. Режим доступа: https://demreview.hse.ru/data/2016/04/12/1126752684/DemRev_2_4_2015_6-34.pdf
46. Landry A. La Révolution Démographique. *INED*, 1982. 230 p.
47. Зеликова Ю. А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб. : Норма, 2014. 224 с.
48. Lee R., Mason A. Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy. WESS background paper, 2015, 35 p.
49. Butler R. Ageism: Another form of bigotry. *The Gerontologist*, 1969, no. 9, pp. 243–246.
50. Барсуков В.Н. Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств. Социальное пространство. 2016. № 5. Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2069>
51. Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182.

Сведения об авторах

Виталий Николаевич Барсуков – научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, заместитель директора, зав. отделом, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Barsukov V.N., Kalachikova O.N.

The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of “Old Age”

Abstract. In the 21st century, global demographic system is in the transition from the stage of demographic dividend implementation to population ageing. A global trend of the age structure transformation is a new, by the history’s standards, phenomenon. Reasons and mechanisms of its emergence are revealed and empirically confirmed. However, the issue of the population ageing’s consequences, which do not have universal mechanisms of formation and differ according to a territorial basis, remains relevant. The reason of differences is not only about socio-economic parameters of countries, which determine the potential to overcome the consequences of demographic ageing, but also about the lack of a common understanding of the “old age” and the correlation between the demographic basis of its construction and the social perception of this category. Population ageing and ageing society are manifestations of the age structure transformation, which have common reasons of emergence, but they are conceptually different in defining the age of the “old age”. Thus, the purpose of this work is to identify and systematize the evolutionary features of demographic and social construction of the age of the “old age”. The article consists of two main parts: the analysis of existing approaches to constructing the age of the population’s

demographic “old age” and features of the transformation of public perception of elderly population in different historical epochs (social construction of the studied category). The main conclusion of the study is that within global, irreversible (with a narrowed reproduction) ageing of the population and demographic beta-convergence, the construction of the age of the “old age” gradually moves into the social area. Societies restructure the concept of the old age not only through the prism of increasing life expectancy (including healthy), but also through awareness of the increasing role of the older generation in maintaining sustainable rates of the socio-economic development. On this background, the main task of “ageing” states is to overcome the persistent (albeit on a less significant scale) manifestations of age discrimination against older citizens.

Key words: age of “old age”, population ageing, older generation, social construction.

Information about the Authors

Vitalii Nikolaevich Barsukov – Researcher, the Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Lastchaos12@mail.ru)

Ol’ga Nikolaevna Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director, Head of Department, the Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 04.02.2020.